РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ В. Ф. РАЕВСКОГО (1816—1822)

Сообщение Ю. Г. Оксмана

1. ПЕРВЫЕ ЖУРНАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЙ В. Ф. РАЕВСКОГО

22 марта 1822 г. в Одессе был арестован младший брат В. Ф. Раевского, отставной корнет Малороссийского кирасирского полка Григорий Федосеевич Раевский. В бумагах, отобранных у него при обыске, оказалась пачка стихотворных произведений, из которых особенное внимание следственных органов привлекли следующие: 1) «Мой жребий», 2) «Элегия на смерть юноши», 3) «К моим пенатам», 4) «Сетование», 5) «К П. Г. Приклонскому»¹.

На первых допросах Г. Ф. Раевский автором всех этих произведений называл себя, но в процессе дальнейшего дознания выяснилось, что черновики большей части из перечисленных выше стихотворений сохранились в записных книжках и тетрадях В. Ф. Раевского, к которому и переадресовано было обвинение в «некоторых вольнодумных выражениях».

замеченных в отобранных уего брата рукописях.

Из пяти названных в «деле» Г. Ф. Раевского произведений три уже давно вошли в научный оборот: «Элегия на смерть юноши» («Давно льсей юноша счастливый...»), «Сетование», «К П. Г. Приклонскому»²,— а четвертое может быть легко расшифровано — это «Подражание Горацию», распространявшееся в списках под заглавием «Мой жребий»³. Более интересна судьба послания «К моим пенатам». Оно до 1952 г. оставалось вовсе не известным биографам Раевского, хотя и было напечатано им в 1817 г. в июльской книжке журнала «Украинский вестник»⁴. Подпись «В... Р-ий», отметка «Днестр» (В. Ф. Раевский служил в 1816—1817 гг. в Каменец-Подольске на Днестре), самый заголовок и характернейшие для «первого декабриста» особенности идейно-тематического, образного и языкового строя послания не оставляют сомнений в том, что в бумагах Г. Ф. Раевского в 1822 г. были обнаружены именно эти стихи.

Послание «К моим пенатам», судя по его тематике и времени публикации, написано было Раевским в конце 1816 г., перед уходом в отставку и возвращением на родину.

В стихотворении всего три строфы. Первая из них особенно значи-

тельна:

От отческих полей, от друга отлученный,— Игра фортуны злей, коварной и страстей, Мечтой обманчивой в свет бурный увлеченный, Свидетель суеты, неравенства людей, Сражаясь сам с собой,— я вижу преткновенье На скользком сем пути и бездны пред собой. Пенаты милые! Услышьте голос мой, Внемлите странника бездомного моленье: Вы, в юности меня хранившие от бед, Теперь от роковых ударов защитите И к дому отчему скорее возвратите: Уже я видел бурный свет!

Отставке Раевского предшествовали какие-то тяжелые личные и служебные столкновения будущего декабриста с высшими чинами корпусного штаба (он был адъютантом начальника артиллерии 7-го пехотного корпуса), причем основания этих столкновений, имевшие определенный политический смысл, хорошо освещены в его известных мемуарных высказываниях ⁵.

Послание «К моим пенатам»— лирический отчет о настроениях Раевского той самой поры, когда «железные кровавые когти Аракчеева» сделали службу в армии «тяжелой и оскорбительной» 6.

Послание «К моим пенатам» — это третье по счету печатное произведение Раевского. Первые два — «Послание к Ник олаю» Степ ановичу Ахматову» («Оставя тишину, свободу и покой...») и «Князю Андрею Ивановичу Горчакову» («Вождь смелый, ратных друг, победы сын любимый...») — опубликованы были им в 1816 г. в «Духе журналов»? Каким образом стихи «К моим пенатам» появились в органе Харьковского университета «Украинский вестник», выходившем с 1816 по 1819 г., установить можно только предположительно. В 1817 г. Раевский находился в отставке и жил в усадьбе своего отда в селе Хворостянке Староскольского уезда Курской губернии. Для семьи Раевских Харьков с его учебными заведениями, театром, магазинами и ярмаркой являлся ближайшим крупным культурным и торговым центром, с которым они связаны были многолетними и многообразными отношениями. Эти связи стали еще более тесными после переезда в Харьков одной из сестер Раевского, Надежды Федосеевны Бердяевой и перехода на службу в Чугуевские военные поселения А. Ф. Раевского, старшего его брата 9.

Все биографы Раевского обычно обходят молчанием вопрос о его литературных и политических связях, выходящих за рамки Тульчина и Кишинева. При полном отсутствии документальных данных об этом представляет большой интерес самый факт близости Раевского в 1817 — 1819 гг. с его старшим братом, Андреем Федосеевичем Раевским, статьи и стихотворения которого пользовались некоторой известностью в литературных кругах конца 10-х годов. Воспитанник Московского благородного панодновременно с М. В. Милоновым. сиона, в котором он учился И. Г. Бурцовым и Н. И. Комаровым, А. Ф. Раевский, как и В. Ф. Раевский, был активным участником Отечественной войны, по окончании которой перешел на службу в Петербург. Здесь он быстро выдвинулся как один из организаторов и ближайших сотрудников «Военного журнала», издававшегося в 1817—1819 гг. при штабе войск гвардейского корпуса. Переводчик «Правил стратегии» эрцгерцога Карла (СПб., 1818) и автор «Воспоминания о походах 1813 и 1814 гг.» (М., 1822), действительный член С.-Петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (избран 15 ноября 1817 г., вместе с В. К. Кюхельбекером), А. Ф. Раевский известен был и как поэт. Его произведения печатались в лучших русских журналах, а стихотворение «Бегство Елены (из Мильвуа)» вошло даже в «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах», изданное «Обществом любителей отечественной словесности» в 1822 г. (ч. VI, стр. 253—255). В Петербурге А. Ф. Раевский познакомился и сблизился со многими из будущих декабристов,

но тот факт, что он не был членом ни Союза Благоденствия, ни какой-либо из его периферийных организаций, свидетельствует о том, что, несмотря на свое тяготение к общественной деятельности, политической активностью молодой литератор не отличался. Однако в кругах передовой молодежи, в том числе и разночинной, А. Ф. Раевский пользовался большим уважением и авторитетом. Об этом свидетельствуют материалы о связях с ним Н. А. Полевого (их встречи происходили в 1817—1820 гг. в Курске) и А. В. Никитенко (они познакомились в Чугуеве в 1821 г.).

Двадцати восьми лет от роду, 1 марта 1822 г., то есть через три недели после ареста в Кишиневе его брата, А. Ф. Раевский умер от изнурительной чахотки. В 1824-1825 гг. его стихи печатались в «Украинском журнале» вместе с перечисленными выше произведениями В. Ф. Раевского. Вероятно, через своего старшего брата Раевский связался в 1817-1819 гг. и с передовой харьковской профессурой, принимавшей участие в «Украинском вестнике».

1 ноября 1819 г. В. Ф. Раевский писал своему приятелю П. Г. Приклонскому: «Выпиши на этот год, 1820, "Украинский вестник", который издают при Харьковском университете, там иногда увидишь слабые опыты моего пера. Я прилагаю записочку и адрес. Это будет стоить 18 руб-

лей, а найдешь все, что и в других журналах» 10.

Планы Раевского печататься в «Украинском вестнике» не осуществились. Этот журнал прекратил в 1819 г. свое существование. Возродился «Украинский вестник» только в 1824 г. под названием «Украинский журнал». Именно в этом двухнедельнике в 1824 и 1825 гг. опубликовано было еще четыре стихотворения Раевского («Подражание Горацию», «Бесплодная любовь», «Песнь невольника» и «Картина бури»). Однако ввиду того, что сам поэт в эту пору давно уже находился в заключении, можно думать, что издатель «Украинского журнала» воспользовался рукописями тех произведений Раевского, которые, присланы были им в редакцию «Украинского вестника» еще в 1819 г. 11

2. ОДА «ГЛАС ПРАВДЫ»

Рукописи Раевского позволяют установить, что еще в 1815 г., то есть, вероятно, незадолго до своих первых выступлений в печати, молодой поэт занялся пересмотром своих произведений и перепиской наиболее зрелых из них в особую тетрадь. В эту тетрадь вошли стихотворения «Глас правды», «Свиданье» («В гроте темном, под горой...»), «Идиллия» («Нак можно свободу на цепи менять...»), «К Лиде», «К ней же» («Что значит взор суровый твой...»), «К Нисе», «Послание Б***» («Когда

над родиной моей...»), «Час меланхолии» 12.

Самый характер отбора и размещения текстов в новом сборнике, а особенно выдвижение на первое место в нем подчеркнуто-декларативной оды «Глас правды», с ее стандартными для этой поры славословиями в честь Александра I, свидетельствуют о том, что перед нами не обычная рабочая тетрадь, а рукопись, намечавшаяся для печати. Однако не только сборник в целом, но и ни одно из включенных в него произведений не было опубликовано при жизни Раевского. Видимо, сам поэт остался не удовлетворенным первыми итогами своей литературной работы. Об этом можно судить прежде всего по той тщательной правке, которой подвергнут был весь материал сборника — сперва над строками и на полях стихотворений, а затем, когда рукопись из беловой превратилась в черновую, еще и на отдельных листах, заполненных исчерканными вариантами новых редакций отвергнутых текстов.

Из произведений Раевского, включенных в сборник 1815 г., особенно пристального внимания исследователей требует ода «Глас правды» ¹³. Эта

ода дошла до нас в двух редакциях, из которых первая являлась законченным лирическим произведением высокого стиля, а вторая представляла собою незавершенный опыт позднейшего переосмысления, сатирического заострения и перестройки начального текста.

Время создания первой редакции оды мы относим к периоду 1814—1815 гг. В пользу этой датировки свидетельствуют, во-первых, самая патетика оды (еще очень живые впечатления поэта от свержения Наполеона и распада французской империи), во-вторых, некоторые особенности еще совершенно некритического усвоения автором официозной концепции событий Отечественной войны (противопоставление «кровавого тирана» Наполеона «отцу граждан» Александру I, рвущему «цепи рабства») и, наконец, предельно обнаженное литературное ученичество Раевского, широко пользующегося готовыми поэтическими штампами: с одной стороны, Гнедича («Общежитие», 1804), Мерзлякова («На разрушение Вавилона», 1805), Милонова (сатира «К Рубеллию», 1810), с другой — Карамзина (ода «Освобождение Европы и слава Александра I», 1814).

Идейно-тематически ода «Глас правды» очень близка общим политическим установкам посланий Раевского, опубликованных в 1816 г. в «Духе журналов». Однако художественные недочеты оды (примитивность изобразительных средств, обилие заимствований из общеизвестных образцов, неслаженность композиции, логические неувязки и стилистические срывы) ясно свидетельствуют о том, что «Глас правды» относится к более раннему периоду творчества Раевского, чем его посла-

ния к А. И. Горчакову и Н. С. Ахматову 14.

Работая над второй редакцией оды (мы относим эту редакцию к концу 1816 г.), Раевский последовательно уничтожает весь ее прежний конкретно-исторический колорит, отказывается от упоминаний о Наполеоне, снимает панегирическое обращение к Александру I и за счет этих сокращений развивает сатирическую характеристику «бездушного сибарита», тщеславного и лицемерного «друга царя», грубо злоупотребляющего доверенной ему властью 15. Этот образ присутствовал и в первой редакции оды, но самая функция его была еще не очень ясна и самому автору. Во второй же редакции «Гласа правды» образ «вельможи», глумящегося над народом, приобретает центральное значение, что трудно было бы объяснить, если бы Раевский не имел в виду определенных политических ассоциаций. В самом деле, именно в 1816 г. перестает быть тайной исключительная роль в государственном аппарате Российской Жестокий, А. Аракчеева. властный временщик успел очень скоро вооружить против себя не только всю передовую общественность, но и самые широкие круги армии и трудового народа.

«Этот приближенный вельможа, — свидетельствовал декабрист Н. А. Бестужев, — под личиной скромности устраняя всякую власть, один, незримый никем, без всякой явной должности, в тайне кабинета, вращал всею тягостью всех дел государственных, и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во все отрасли правления. Не было министерства, звания, дела, которое не зависело бы или оставалось бы неизвестно сему невидимому Протею — министру, политику, царедворцу; не было места, куда бы не проник его хитрый подсмотр (...) Все государство трепетало под железною рукою любимца-правителя. Никто не смел жаловаться: едва возникал малейший ропот и навечно исчезал в пустынях Сибири или в смрадных склепах крепостей» 16.

Историческая характеристика Аракчеева, данная Ĥ. А. Бестужевым, очень близка в своих основных частях обличительным строкам и позднейших воспоминаний и ранней сатиры Раевского. Оба автора имели в

виду одного и того же ненавистного им обоим политического деятеля и оба пользовались для его разоблачения художественными средствами русской лирики и сатиры конца XVIII и начала XIX столетия.

Напомним наиболее разительные черты «временщика» во второй

редакции «Гласа правды»:

Вельможа, друг царя надежный, Личиной истины прямой Покрыл порок корысти злой И ухищренья дух мятежный.

Злодей, ужель и сирых робкий стон, И рабства гибельный закон, И слезы страждущих в темнице, И в рубищах народ простой, К тебе молящий со слезой, Не видишь ты под багряницей?..

А вы, ничтожные рабы
Пороков, зла и ухищрений,
Склонивши выю и колени,
Почто возносите мольбы
К творцу добра, не преступлений!
И клирный глас и псалмопенье
Ярем позорный не сотрут! 17

Не трудно установить, что и во второй редакции оды вся ее политическая проблематика, не получив должной конкретизации, в конечном счете, растворилась в абстрактно-моралистических виршах о «судеб уставах», одинаково подчиняющих себе и царей и рабов. В этом контексте и памфлетные черты живого образа Аракчеева оказались заслоненными традиционными чертами тиранов и вельмож, обличаемых в одах Державина, Гнедича и Мерзлякова. Архаичность и примитивность всей внутренней и внешней структуры «Гласа правды» была понята и самим Раевским, забраковавшим вторую редакцию оды еще быстрее, чем первую.

Политическая ограниченность молодого Раевского, еще не избавивтегося от либерально-дворянских иллюзий, еще далеко не овладевшего поэтическим мастерством, не позволила ему создать в 1816— 1817 гг. художественно полноценную памфлетную характеристику Аракчеева. Эту задачу через несколько лет успешно выполнили Пушкин (в эпиграммах «Холоп венчанного солдата...» и «Всей России притеснитель...») и Рылеев (в сатире «К временщику»). Но в политической и литературной биографии Раевского представляется нам очень существенным самый факт его выхода еще в 1816 г. за пределы легальной тематики в целях открытой борьбы со всесильным временщиком, в котором он усмотрел живое воплощение всех зол антинародного деспотического режима.

3. ПОСЛАНИЕ к П. С. ПУЩИНУ

Послание Раевского к П. С. Пущину печатается нами по тексту белового автографа, сохранившегося без заголовка в бумагах поэта, отобранных при аресте его в Кишиневе 6 февраля 1822 г.:

Оставя жизни бурной Неласковый прием И блеск честей мишурный, Ты истинным путем О! П...., друг свободы, Под сень святой природы С беспечностью идешь, Где время золотое В довольстве и покое И в неге проведешь! Ни громы в отдаленьи, Ни ядер звонких шум В минуты сладких дум, В часы отдохновенья Тебя не воззовут. Там с милою семьею Все радости с тобою И мудрости приют!.. 18

Фамилия Пущина обозначена в пятой строке послания лишь одной буквой «П» и четырьмя точками, но расшифровка этого инициала не представляет затруднения: П. С. Пущин, бригадный генерал 16-й пехотной дивизии, был товарищем Раевского и по Союзу Благоденствия и по кишиневской масонской ложе «Овидий» 19. Легко определяется и повод этого обращения Раевского к Пущину, а тем самым и его дата.

Время наиболее тесного общения автора и адресата послания — последние месяцы 1821 г. В ноябре этого года по требованию Александра I должна была прекратить существование масонская ложа, организованная и руководимая Пущиным, а в декабре последний стал хлопотать о предоставлении ему долгосрочного отпуска по болезни. 14 января 1822 г. начальник штаба 2-й Армии генерал-майор П. Д. Киселев писал о Пущине дежурному генералу Главного штаба А. А. Закревскому, ходатайствуя о том, чтобы за Пущиным, как командиром «деятельным и полезным службе», сохранен был на все время отпуска полный оклад его жалованья 20. Таким образом, отъезд Пущина из Кишинева приурочивается к концу января — началу февраля 1822 г. К этому же времени следует отнести и прощальные стихи Раевского.

Послание к Пущину никак нельзя, однако, считать произведением, характерным для поэтического мастерства Раевского начала 20-х годов, ибо текстуально оно почти не отличается от аналогичного обращения будущего декабриста к одному из его однополчан еще в 1817 г. Мы имеем в виду строфы, посвященные Кисловскому, в послании Раевского «Мое

прости друзьям. К\(исловскому \> и П\(риклонскому \> \)²¹.

Штабс-капитан Кисловский и поручик Приклонский — офицеры штаба 7-го нехотного корпуса. Как свидетельствует обвинительный акт по делу Раевского, оба они, вместе с доктором Диммером и штабс-капитаном Губиным, входили в 1816—1817 гг. в дружеский кружок, организованный Раевским в Каменец-Подольске 22. Этот «союз сердец святой», как называл его Раевский, не имел сколько-нибудь определенных политических целей, не располагал уставом, не налагал на своих членов никаких обязанностей. Правда, вольнолюбие самого Раевского (еще совершенно абстрактное в эту пору) и критическое его отношение к крепостнической действительности разделялось, видимо, всеми членами кружка (иначе ведь они и не могли бы стать друзьями поэта), но весьма симптоматично, что ни один из этих единомышленников Раевского не оставил никакого следа в общественно-политической жизни 10-х и 20-х годов. Ни один из них нестал и декабристом. Даже те «железные кольца», которые, как отмечалось в «деле» Раевского, носили члены его каменецподольского кружка «для утверждения их связи», свидетельствовали вовсе не об особых формах нелегальной спайки, а о полном пренебрежении в этом объединении самыми элементарными правилами конспирации.

Железные кольца, волновавшие воображение обывателей Каменец-Подольска, подобно кольцам членов петербургской «Зеленой лампы», играли некоторую роль только в дружеских пирушках. Об этом вспоминал и Пушкин:

Полнее стакан наливайте! На звонкое дно В густое вино Заветные кольца бросайте! ²³

В январе 1822 г., готовясь к проводам Пущина, Раевский вспомнил о своих старых стихах, писанных перед его разлукой с каменец-подольскими друзьями. Из большого послания он извлек восемнадцать стихов, обращенных к Кисловскому («Кисловский, друг свободы...»), и после небольшой литературно-технической отделки переадресовал их Пущину («О! Пущин, друг свободы...»). Послание, переменив фамилию адресата, получало более широкий общественно-политический резонанс: Пущин, один из виднейших членов Союза Благоденствия, «грядущий наш Квирога», как назвал его перед тем Пушкин, имел гораздо более прав и на то высокое звание «друга свободы», которое присвоено было Раевским в 1817 г. Кисловскому.

Перемонтированные стихи остались в бумагах их автора без дальнейшего движения: Пущин, находившийся на особом учете у царя как один из уже уличенных в революционных настроениях боевых генералов, не получил разрешения на выезд из Кишинева, и проводы его пришлось отменить. После же ареста Раевского он был отстранен от командования бригадой, а 28 марта 1822 г., по именному повелению Александра I, уволен без прошения в отставку и навсегда удален из армии 24.

4. САТИРА «СМЕЮСЬ И ПЛАЧУ»

Сатира «Смеюсь и плачу» является самым значительным стихотворным произведением Раевского последнего периода его агитационнопропагандистской работы. Стихи эти в авторской рукописи не датированы. Но тесная тематическая их связь с политическим трактатом «О рабстве крестьян», который закончен был Раевским зимою 1820—1821 г. 25, не позволяет отнести сатиру к более раннему времени. Дата написания «Смеюсь и плачу» может быть определена еще точнее, если мы ее свяжем с расшифровкой одного из намеренно не дописанных Раевским стихов сатиры:

Иль Сумарокова, Фонвизина, Крылова, Когда внимаю я, и вижу вкруг себя Премудрость под седлом, Скотинина,...
Тогда смеюсь и я.

Нет никаких сомнений в том, что многоточие в предпоследнем из этих стихов обозначало пропуск чьей-то фамилии с окончанием на «ов», причем носитель этой фамилии явно должен был принадлежать к числу ближайших знакомцев или сослуживцев поэта («и вижу вкруг себя»).

Письма, дневники, мемуары и официальные документы о Кишиневе начала 20-х годов дают основание утверждать, что в сатире Раевского попутно был задет командир 33-го егерского полка С. Н. Старов, тот самый полковник Старов, с которым в эту же пору стрелялся Пушкин. Именно этого своего противника великий поэт увековечил в шуточной записке к А. П. Полторацкому о результатах поединка:

Я жив, Старов Дуэль Здоров. Не кончен ²⁶. Мемуарист И. П. Липранди, характеризуя С. Н. Старова как лихого фронтовика, но человека исключительно низкого культурного уровня, иронически отмечал, что этот живой прототип Скалозуба не принадлежал к числу людей, могущих «оценить какое бы то ни было литературное произведение. С. Н. Старов знал, что Пушкин писатель, но что он пишет и в какой степени достоинства,— он не мог того знать» ²⁷. Не понимая значения Пушкина, Старов не мог правильно ценить и людей, подобных Раевскому, который в своей записке «О солдате» следующим образом определял таких командиров, как «Скотинин-Старов»: «Участь благородного солдата всегда почти вверяется жалким офицерам, из которых большая часть едва читать умеет, с испорченной нравственностью, без правил и ума» ²⁸.

Раевский был переведен из Аккермана в Кишинев в последних числах июля 1821 г. Как начальник дивизионных юнкерской и солдатской школ он и познакомился в Кишиневе со Старовым, имя которого до этого времени очень мало значило для него самого и ничего не говорило читателям и слушателям его стихов. Судя же по тому, что к моменту ареста Раевского работа над отделкой сатиры еще не была доведена им до конца,

время создания ее следует отнести к зиме 1821—1822 гг. ²⁹

Правда, сам Раевский, отвечая на вопросные пункты Военно-судной комиссии в крепости Замостье, утверждал 14 февраля 1827 г., что сатира «Смеюсь и плачу», равно как и другие его стихотворные произведения, остановившие на себе внимание следственных органов, написана была им «до 1819 года», так как после этого времени он уже якобы «стихотворением не занимался». Однако, независимо от доказательств, приведенных выше, мы имеем все основания считать это показание Раевского таким же неискренним, как и его отказ признать себя автором рассуждения «О рабстве крестьян», как отрицание им его агитационно-пропагандистской работы в школе для юнкеров, как его утверждение, что он ни в какую тайную организацию не входил.

Раевский продолжал писать стихи до самого своего ареста. Об этом свидетельствуют не только его рукописи. Так, например, до нас дошел рассказ И. П. Липранди, мемуариста исключительно точного, об инициативной роли и активном участии Раевского в создании памфлетной песни, направленной против известного «фрунтовых дел мастера», подполковника Адамова, командира образцового учебного батальона при штабе 2-й Армии. Этот специалист по части вытягивания носка «под метроном» был глубоко ненавистен передовому офицерству и всей солдатской массе. Понятно поэтому, что неожиданная смерть Адамова в Тульчине в конце мая 1821 г. дала материал не для элегии, а для сатиры. Как передает Липранди, на одной из вечеринок в его холостой квартире (это было не раньше конца июля 1821 г.) Раевскому «пришла мысль переложить известную песню Мальборуга, по поводу смерти подполковника Адамова. Раевский начал, можно сказать, дал только тему, которую стали развивать все тут бывшие и Пушкин». Песня имела большой успех и получила широкое распространение. Однако, «несмотря на то, что, может быть, десять человек участвовали в этой шутке, один Раевский поплатился за всех: в обвинительном акте военного суда упоминается и о переложении Мальборуга. В Кишиневе все, да и сам Орлов, смеялись; в Тирасполе то же делал корпусный командир Сабанеев, но не так думал начальник его штаба Вахтен, который упомянут в песне, а в Тульчине это было принято за криминал. Хотя вначале песни этой в рукописи и не было, но потом записанная на память и не всегда верно, она появилась у многих и так достигла до главной квартиры чрез Вахтена» ³⁰.

К сожалению, ни Липранди, ни сам Раевский не сочли нужным хотя бы частично передать утраченный текст песни об Адамове, из

которой до сих пор не известно ни одной строки.

Характеризуя «Смеюсь и плачу» как «подражание Вольтеру», Раевский имел в виду некоторые особенности тематики и структуры известной сатиры «Jean qui pleure et qui rit» 31. Но мизантропические строфы Вольтера поэт-декабрист использовал как канву для совершенно других узоров. Противоречия русской крепостнической действительности определяли патетику стихов «Смеюсь и плачу» в гораздо большей степени, чем абстрактная проблематика «мировой скорби», а характерная для Вольтера скептическая поза почти нейтрального наблюдателя «предрассуждений века» никак не уживалась с пламенной верой поэта-декабриста в неизбежность и близость гибели всех «знатных вертопрахов» и «бездушных пустословов», глумящихся над «человечеством». Можно не сомневаться в том, что и самая мысль об использовании своих впечатлений и рассуждений в форме якобы «подражания Вольтеру» родилась у Раевского в порядке превентивной самозащиты, как обычное в эту пору прикрытие именем иноземного автора политически острого русского материала. Именно этот русский материал, особенности использования которого уже как бы предвосхищали один из монологов Чацкого в «Горе от ума», привлек к себе внимание следственных органов во время разбора «дела» Раевского в Военно-судной комиссии при Литовском корпусе. Сопоставляя первую строфу сатиры «Смеюсь и плачу» с трактатом «О рабстве крестьян», обнаруженным в бумагах Раевского, Комиссия признала, что оба эти произведения должны принадлежать одному автору. Это заключение базировалось прежде всего на следующих строках трак-«Кто дал человеку право называть человека моим и собственным; по какому праву тело, имущество и даже душа одного может принадлежать другому? Откуда взят закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе человеков? Не из источника ли грубого, неистового невежества, злодейского эгоизма, скотских страстей и бесчеловечия? Взирая на помещика русского, я всегда воображаю, что он вспоен слезами и кровавым потом своих подданных; что атмосфера, которою он дышет, составлена из вздохов сих несчастных; что элементы его суть корысть и бесчувствие» 32.

Предъявляя Раевскому 14 февраля 1827 г. эту выписку, Комиссия тщетно добивалась того, чтобы подсудимый, не отрицавший принадлежности ему сатиры «Смеюсь и плачу», признал себя автором и трактата «О рабстве крестьян»: «Разница та, — увещевали Раевского его судьи, — что в одном месте вы изложили оное прозою, а здесь стихами; для чего же вы одно и то же называете своим и не своим?». Однако Раевский упорно отказывался подтвердить это заключение, не отрицая, впрочем, того, что он заимствовал некоторые положения сатиры «Смеюсь и плачу» из рукописного рассуждения «О рабстве крестьян», которым воспользовался, не зная имени его автора ³³.

Автограф сатиры «Смеюсь и плачу» сохранился в бумагах Раевского, приобщенных к материалам секретного дознания о нем, начатого 6 февраля 1822 г. При подшивке к «делу» листы рукописи были соединены в самом произвольном порядке — четвертая и пятая строфы (л. 78 и 78 об.) предшествовали первой (л. 88 об.), второй (л. 89) и третьей (л. 89 об.). Из пяти строф Раевский успел перебелить только I и III; строфы II и IV находились в стадии правки, а строфа V представляла собою исчерканный черновой набросок. Десять стихов сатиры (от строки «Как знатный вертопрах, бездушный пустослов» до «Я слезы лью») впервые опубликованы были в книге В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (1909). Без заключительного восьмистрочного куплета, без строфического членения подлинника и с некоторыми неточностями в основном тексте сатира «Смеюсь и плачу» дважды была опубликована в 1949 г. в специальных работах о Раевском

В. Г. Базанова и П. С. Бейсова, откуда перешла без изменений в «Стихотворения» В. Раевского (1952) и во все новейшие антологии, посвященные произведениям декабристов ³⁴.

Приводим по автографу выпавший из всех этих публикаций текст за-

ключительного восьмистишия сатиры «Смеюсь и плачу»:

Друзья, вот наш удел в сей бездне треволнений. Рабы сует, мечты, обычаев, страстей, Мы действуем всегда по силе впечатлений, Творенья слабые, в ничтожности своей За призраком бежим излучистой стезею И часто скучный Гераклит Обласканный судьбою Смеется и смешит, как страшный Демокрит.

примечания

¹ ЦГВИАЛ, ф. № 9, дело Аудиториатского департамента Военного министерства, 1827 г., оп. 11, № 42, т. II, лл. 9—10 (первой пагинации). Как было установлено следственными органами, восемнадцатилетний Г. Ф. Раевский, проживая в Одессе по документам своего брата Петра, предполагал пробраться в Кишинев для того, чтобы как-нибудь установить связь с арестованным В. Ф. Раевским. По именному повелению Александра I от 19 апреля 1822 г., Г. Ф. Раевский отправлен был из Одессы в Шлиссельбургскую крепость, где и находился в одиночном заключении до 14 августа 1826 г. В Шлиссельбурге он сошел с ума, что не помешало Военно-судной комиссии, пересматривавшей в Замостье дело его брата, вновь заняться и его делом. Признанный по конфирмации Николая I от 15 октября 1827 г. «не прикосновенным к делу В. Ф. Раевского и подлежащим освобождению от ареста», он осенью 1827 г., как душевнобольной, доставлен был в имение отца, где вскоре и умер. В. Ф. Раевский в своих заметках 1844 г. ошибочно относит арест Г. Ф. Раевского к 1823 — 1824 гг. («Русская старина», 1873, № 3, стр. 376—379). См. о нем выше, стр. 103—

² Эти три произведения (первое, правда, без заголовка) опубликованы в 1949 г. по беловым автографам Раевского в «Ульяновском сборнике», стр. 256, 268 и

3 «Подражание Горацию» впервые опубликовано в «Украинском журнале», 1824, № 3, стр. 31—32; за подписью: Вл. Раевский.

4 «Украинский вестник», 1817, июль, стр. 82—84. Дата ценз. разр. 3 июля 1817 г. «Украинский вестник», 1817, июль, стр. 82—84. Дата ценз. разр. 3 июля 1817 г. Перепечатано в «Стихотворениях» В. Раевского («Библиотека поэта». Малая серия, изд. 2). Л., 1952, стр. 106—107. Комментарии исчерпываются справкой: «Написано под несомненным влиянием Батюшкова» (стр. 255).

⁵ Щеголев. Декабристы, стр. 13.— Автограф этой редакции записок Раевского, известной только по нескольким цитатам в книге Щеголева, до нас не дошел.

См. выше, стр. 115-116, 128.

⁶ О «железных когтях» Аракчеева, еще в бытность его начальником Главного артиллерийского управления и военным министром, в передовых офицерских кругах впервые заговорили в 1808 г., под впечатлением борьбы с ним А. П. Ермолова (см. «Записки» П. Х. Граббе.— «Русский архив», 1873, кн. 5, стб. 827). Об отношении будущих декабристов к дальнейшему выдвижению Аракчеева см. переписку Н. И. Тургенева, относящуюся к февралю и марту 1816 г. («Письма Н. Тургенева», стр. 165

7 Первое печатное произведение Раевского — послание, обращенное к самому младшему из его сослуживцев — прапорщику 22-й артиллерийской бригады Н. С. Ахмладшему из его сослуживцев — прапорщику 22-и артиллерииской оригады Н. С. Ахматову, имеет подпись «Владимир Раевский» и отметку «Тульчин» («Дух журналов», 4816, кн. 41, стр. 705—708). Этот самый Ахматов (род. в 1799 г.) вноследствии был «инспектором студентов» Казанского университета (с 1840 по 1845 г.) и одним из самых придирчивых членов Петербургского Цензурного комитета (с 1850 г.). См. о нем: «Записки и дневник А. В. Никитенко», т. І. СПб., 1905, стр. 417 и 452; А. М. С к аб и ч е в с к и й. Очерки по истории русской цензуры. СПб., 1892, стр. 370; «Русская старина», 1899, № 9, стр. 625—627. — Предположение о том, что Н. С. Ахматов — «один из боевых друзей Раевского, участник Отечественной войны 1812 года» («Стихотворения» В. Раевского. Л., 1952, стр. 245), лишено всякого основания. Второе печатное произведение Раевского — послание «Князю А. И. Горчакову»

Второе печатное произведение Раевского — послание «Князю А. И. Горчакову» («Дух журналов», 1816, кн. 51, стр. 1175—1176) — имеет дату «Днестр. 30 ноября» и подпись «Вл. Ра....ий». Послание обращено к генерал-лейтенанту А. И. Горчакову (1766—1855), участнику походов Суворова и Отечественной войны. Этот начадьник Раевского, по характеристике А. М. Горчакова, лицейского товарища Пушкина, был «человеком весьма храбрым, богатым, но весьма и весьма недальним» («Русская старина», 1883, № 10, стр. 161). Сатиры Раевского, не предназначавшиеся к печати (особенно послание «К другу», где Горчаков заклеймен был как «князь с ослиными ушами»), свидетельствуют о резко отрицательном отношении поэта к его начальнику.

⁸ Надежда Федосеевна Бердяева (1798—189?) играла видную роль в харьковской общественной жизни начала 20-х годов (о нейсм. в «Русской старине», 1902, № 3, стр. 600). Возможно, что именно она способствовала распространению в Харькове нелегальных произведений Раевского, написанных имуже в крепости (см. «Го-

лос минувшего», 1917, № 7-8, стр. 78).

9 Краткая некрологическая характеристика А. Ф. Раевского (родился 15 января 1794 — умер 1 марта 1822) дана в статье Н. П⟨олевого⟩ «Память доброму поэту» («Отеч. записки», 1822, № 24, стр. 21—24). Менее значимы биографические данные о нем в книге В. Сода «Опыт библиотеки для военных людей», изд. 2. 1826, стр. 343—344; ср. «Revue encyclopédique», 1826, t. XXX, р. 559. Беглые уноминания об А. Ф. Раевском сохранились в книге Н. В. Сушкова «Московский Университетский благородный пансион». М., 1858; в воспоминаниях И. П. Липранди («Русский архив», 1866, № 9, стб. 1430); в записках А. В. Никитенко (т. І, 1905, стр. 103—104). Большой автобиографический материал заключен в послании А. Ф. Раевского «К ***» («Чем стих к тебе начну? Растерзанный тоскою, К одру страдания недугом пригвожден...»), опубликованном в «Вестнике Европы», 1822, № 3, стр. 177—179. В автобиографии Н. А. Полевого (опубликованной в «Очерках русской литературы». СПб., 1839, ч. І, стр. XXXVIII—XLI) имя А. Ф. Раевского не упоминается, как и ряд других запретных или «сомнительных» имен раннего периода его жизни.

10 «Ульяновский сборник», стр. 302.— В письме Раевского речь идет о какой-то особой «записочке», приложенной им к адресу редакции «Украинского вестника». Судя по контексту, эта записка могла быть обращена только к кому-нибудь из ближайших сотрудников журнала. Скорее всего это был сам редактор «Украинского вестника» Е. М. Филомафитский (1791—1831), адъюнкт-профессор Харьковского университета по кафедре всеобщей истории, магистр изящных искусств. О журнале «Украинский вестник» см. публикацию Л. Н. Назаровой в «Лит. наследстве», т. 59, стр. 302—311.

11 В бумагах Раевского из этих четырех произведений сохранилось только одно — «Картина бури» (в начальной редакции, относящейся к 1816—1817 гг.). Особого внимания из публикаций Раевского в «Украинском журнале» требует и по своей тематике и по высокому уровню мастерства «Песнь невольника». Возможно, что это произведение относится к периоду пребывания Раевского в крепости и попало в журнал

какими-то неизвестными нам пелегальными путями.

12 ЦГВИАЛ, ф. № 9, 1827 г., он. 11, д. 42, литера В, т. II («Черновые разные бумаги, отобранные от манора Раевского»), лл. 169—178. — Все листы использованы для письма с обеих сторон. Произведения, вошедшие в этот рукописный сборник, впервые были частично и очень неточно опубликованыв 1949 г. П. С. Бейсовым («Ульяновский сборник», стр. 266—270) и В. Г. Базановым («Раевский», стр. 149—150 и 171—175). Более полно, но с теми же искажениями эта тетрадь использована в «Стихотворениях» В. Раевского. Л., 1952, стр. 80—81, 110—120, 199—203. Послание «К Нисе» (подражание Буало), не вошедшее в это издание, опубликовано (во второй редакции под названием «К Хлое») в «Ульяновском сборнике», стр. 270. Элегия «Час меланхолии» («Меня ничто не веселит...») вошла в изд. 1952 г. без своих заключительных в стихов («Так ложною мечтой доселе ослепленный» и пр.), которые вопреки смыслу и показаниям автографа напечатаны были как самостоятельное произведение (стр. 118).

13 Первая редакция оды «Глас правды», впервые опубликованная В. Г. Базановым в кн.: «Раевский» (стр. 149—151), была перепечатана без изменений в «Стихотворениях» Раевского, 1952, стр. 80—81. В эту публикацию вкрались следующие опибки: в строфе I, ст. 9 вм. «Где царства падшие искать» напечатано: «Где царств подножие искать»; в строфе II, ст. 7 вм. «Ты вслед стремишься за мечтой»; в строфе V, ст. 6 вм. «Как вкруг свободу и законы» напечатано: «Как вкруг свободу и законы» напечатано: «Как вдруг свободу и законы». В этой же строфе в ст. 9 и 10 слова «Тебя» и «Тебе», подчеркнутые в автографе как обращение к Александру I, имя которого прямо ни разу не называлось в печати, остались невыделенными, что привело к полному затемнению конкретного политического смысла концовки. Не учитывая ни места оды в тетради ранних поэтических опытов Раевского, ни примитивности ее художественного оформления, редактор стихотворений приурочил время создания «Гласа правды» к концу 1820 г., на том основании, что две строки этого произведения («Народ цепями отягченный, Ждет с воплем гибели твоей») якобы напоминают (в действительности никакого сходства здесь нет) один стих («Народ тиранствами ужасен разъяренный») в сатире Рылеева «К временщику», 1820 г.

Не установив правильной датировки оды, ее первый комментатор утверждал, что «Глас правды» представляет собою «революционную оду», в которой Раевский пользуется «символикой библейской поэзии» для «псалмодических пророчеств»

(Базанов. Раевский, стр. 149—151). Между тем в «Гласе правды» идет речь вовсе не о «псалмодических пророчествах» и не об абстрактном «тиране». а о совершенно конкретных впечатлениях молодого поэта от гибели Наполеона:

> Тиран, как гордый дуб, упал, Перуном в ярости сраженный, И свет, колеблясь, изумленный С невольной радостью взирал, Как шаткие менялись троны.

Или:

Ты вслед стремился за мечтой И пал!.. Где ж лавр побед и славы? Я зрю вокруг следы кровавы И глас проклятий за тобой!

Противопоставляя затем «тирану» Наполеону Александра I как «отда граждан», защитника «свободы и законов», Раевский, вопреки толкованиям В. Г. Базанова, полностью еще был во власти монархических иллюзий, процесс изживания которых начался не раньше 1817—1818 гг. Об отношении Раевского к Наполеону см. выше в его записках, стр. 85, 121.

14 См. прим. 7. В послании к Н. С. Ахматову Раевский развивает те же положения

которые характеризуют официальную политическую платформу «Гласа правды»:

Колосс надменный пал! Европа в удивленьи Зрит Победителя, свободу и закон! Благословляя мир, повсюду в восхищеньи Благословляет русский трон.

15 Вторая редакция оды «Глас правды» опубликована в «Ульяновском сборнике», стр. 264—265. О незаконченности этой редакции оды свидетельствует черновой автограф отдельных ее частей в том же «деле» Раевского, в котором сохранился его руко-

писный сборник стихов 1815 г. (лл. 139-140).

 ¹⁶ Бестужевы, стр. 11—12.—О репутации Аракчеева в 1816 г. см. прим. 6.
 ¹⁷ См. прим. 15. Характерно, что во второй редакции «Гласа правды» Раевский усванвает не только общий идейно-тематический план, образную систему и поэтический словарь оды Гнедича «Общежитие», но и некоторые особенности ее интонации, использованные впоследствии в «Размыплениях у парадного подъезда» Некрасова. Мы имеем в виду, с одной стороны, обращение Раевского к временщику в строфах «А ты, бездушный сибарит» и «Злодей, ужель и сирых робкий стон...», а с другой следующие строки Гнедича:

> Ты наслаждаешься, а тысячи сирот Страдают там от глада; Вдовицы, старики подле твоих ворот Стоят — и падают, замерзнувши от хлада. Ты спишь, - злодей уж цепь, цветами всю увив, На граждан наложил, отечество терзает; Сыны отечества, цепей не возлюбив, Расторгнуть их хотят, — вопль слух мой поражает. Какой ужасный стон! Не слышишь ты ero — прерви, прерви свой сон! Несчастный, пробудися, Взгляни на сограждан, там легших за тебя, Взгляни на их вдовиц, детей — и ужаснися, Взглянувши на себя!

Политическая лирика Н. И. Гнедича объективно связывала поэтические традиции Радищева с легальной и нелегальной лирикой и сатирой поэтов-декабристов. О близости Гнедича к литературным кругам, контролируемым Союзом Благоденствия, а также о роли его в политическом и литературном воспитании Рылеева см. наши комментарии к «Стихотворениям» Рылеева (1934, стр. 283—284), а также материалы «Дневника В. К. Кюхельбекера» (стр. по указателю) и книги Г. А. Гуковского «Пушкин и русские романтики» (Саратов, 1946, стр. 151—153 и 200—204). Менее значимы для этого круга проблем дальные интересной работы И. Н. Мед в е де в о й «Н. И. Гнедич и декабристы» («Декабристы и их время», 1951, стр. 101—154). Близкие отношения Гнедича с П. А. Катениным, сослуживдем его с 1806 г. по департаменту народного просвещения, документируются перепиской Гнедича (П. Т и х а н о в. Н. И. Гнедич. СПб., 1884, стр. 41), Батюшкова и Н. М. Муравьева («Лит. наследство», т. 16-18, стр. 631). При содействии Гнедича опубликованы были в 1810 г. в «Цветнике», издавашемся членами Вольного общества А. Е. Измайловым и П. А. Никольским, первые произведения Катенина. Именно Гнедич, как свидетельствуют воспоминания

Катенина, познакомил последнего в 1817 г. с Пушкиным. К школе Гнедича восходили не только ранние поэтические опыты Раевского («Глас правды»), но и такие зрелые его произведения, как «Смеюсь и плачу» и «Певец в темнице». Сатира Гнедича «Перуанец к гишпанцу» («Рушитель моея отчизны и свободы») широко использована

была в агитационно-пропагандистской работе Раевского в 1821—1822 гг.

18 ЦГВИАЛ, ф. № 9, 1827 г., оп. 11, д. 42, литера В, т. II («Черновые разные бумаги, отобранные от маиора Раевского»), л. 76.— В автографе послания только две помарки. Одна в стихе 7-м: вм. «С беспечностью» начато и зачеркнуто «И в» (описка, след начатого 10-го стиха «И в неге проведешь»); другая в стихе 16-м — зачеркнуто

«Под» и «И» в начале строки.

19 Павел Сергеевич Пущин (1785—1865)— член Союза Благоденствия, основатель и руководитель масонской ложи в Кишиневе. Об этом писал Пушкин в январе 1826 г. Жуковскому: «В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пущиным и Орловым. Я был масон в Кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи» (Пушкин, т. XIII, стр. 257). Концом июня 1821 г. надлежит датировать послание Пушкина «Генералу Пущину» («В дыму, в крови, сквозь тучи стрел...»). Это послание вызвано приказом о концентрации частей 16-й пехотной дивизии у границ Молдавии и слухами о предстоящей войне с Турцией.

20 Переписка П. Д. Киселева с А. А. Закревским о предоставлении отпуска Пу-

щину опубликована в «Сборнике Русского исторического общества», т. 78. СПб., 1891,

стр. 59, 95,262.

1 В. Раевский. Стихотворения. Л., 1952, стр. 94.— Важнейшие отличия (1992) года 5 ж. Кисловский, прог свободы; ст. 6-й: Под ранней редакции от текста 1822 г.: ст. 5-й: Кисловский, друг свободы; ст. 6-й: Под сень самой природы; ст. 7-й: Нетрепетно идешь; ст. 9-й: В беспечности, покое; ст. 10-й: Ты мирно проведешь; ст. 16-й: Под кровлею родною; ст. 17-й: Там счастие с тобою;

ст. 18-й: Там дружества приют.

22 Краткие сведения об этом кружке получили отражение во «всеподданнейшем докладе» по делу Раевского в 1827 г. (Щеголев. Декабристы, стр. 60). В книге В. Г. Базанова высказано предположение о том, что каменец-подольский кружок Раевского мог быть «отделением Союза Спасения» (Базанов. Раевский, стр. 31). Однако это предположение, во-первых, противостоит всем критически установленным фактам истории Союза Спасения; во-вторых, никак не вяжется с материалами политической биографии самого Раевского; наконец, в-третьих, никак не согласуется с теми данными о каменец-подольском кружке, которые сохранились в стихотворных посланиях Раевского к членам этого дружеского объединения и в переписке Раевского с П. Г. Приклонским.

²³ «Вакхическая песнь» Пушкина (1825).— Герой «Барышни-крестьянки» Алексей Берестов, пленявший во второй половине 10-х годов уездных девиц рассказами «об утраченных радостях и об увядшей своей юности», носил «черное кольцо с изображением мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново в той губернии» (1830). Ср. заметку Н. О. Лернера «Кольцо Зеленой лампы» («Русская старина», 1909, № 4,

197-199).

24 Дата распоряжения Александра I об увольнении Пущина от службы — 28 марта 1822 г. — устанавливается в материалах Н. К. Кульмана «К истории масонства в России» («Журнал Министерства народного просвещения», 1907, № 10, стр. 371). До Кишинева сведения об этом дошли только через три недели. 20 апреля 1822 г. в дневнике П. И. Долгорукова отмечалось: «В городе разнеслась молва, что бригадный командир Пущин отставлен. Он просил отпуска и вместо того получил совершенное увольнение. Долой генеральские эполеты! Полагают, что всё это последствия Сабанеевского гнева на 16 дивизию, а отчасти и меры, предпринимаемые против либера-

листов» («Звенья», IX, 1951, стр. 71).

²⁵ ЦГВИАЛ, ф. № 9, 1827 г., оп. 11, д. 42, литера В. т. II, л. 3. Отметка на перебеленном неизвестной рукою «Вступлении» к трактату Раевского «О рабстве кре-

стьян»: «1820 года, декабря 12 дня».

26 О дуэли Пушкина с С. Н. Старовым (1786—1856), датируемой 6 января 1822 г., см. новейшую сводку мемуарных и документальных данных в примечаниях

1822 г., см. новейшую сводку мемуарных и документальных а примечаниях М. А. Цявловского к дневнику П. И. Долгорукова («Звенья», 1Х, 1951, стр. 134—135); ср. «Письма Пушкина», т. І. М.—Л., 1926, стр. 239—240.

27 «Русский архив», 1866, № 9, стб. 1447—1448, а также стб. 1418.

28 «Декабристы», 1926, стр. 23.— В «Послании П. Г. Приклонскому» Раевский еще в 1817 г. отзывался о командном составе армии так же, как и в записке «О солдате» и в стихах «Смеюсь и плачу»:

> Сословие невежд, гордящихся породой, Без знаний, без заслуг, но с рабскою душой, Но с знаньем в происках до степени высокой, Идет надменною и быстрою стопой.

29 П. С. Бейсов относит время написания сатиры «Смеюсь и плачу» к 1818— 1822 гг. («Ульяновский сборник», стр. 342); В. Н. Орлов — к 1815—1821 гг. («Декабристы»,

³⁴ литературное наследство, т. 60

1951, стр. 57). В. Г. Базанов, сперва вовсе отказавшись от датировки послания, а затем приняв хронологию Бейсова, выдвинул предположение, что, ввиду направленности сатиры Раевского «против русского деспотизма», стих «Премудрость под седлом, Скотинина...» «в сознании поэта» оформлялся, «вероятно, так: "Премудрость под седлом Скотинина на троне"» («Раевский», стр. 154). Эта же несостоятельная догадка по-

вторена в «Стихотворениях» В. Раевского, 1952, стр. 239.

30 «Русский архив», 1866, стб. 1256—1257.— Неправильно понятые данные воспоминаний Липранди позволили С. И. Черепанову утверждать, что Раевский «был сослан единственно за перевод на русский язык известной песни: "Мальбрук в поход поехал"» («Древняя и новая Россия», 1876, № 8, стр. 382). О широком распространении народной песни о Мальбруке в период наполеоновских войн см. в специальной работе В. М. Жирмунского («Известия Отделения общественных наук», 1935, № 9, стр. 790—797). В заметке Н. О. Лернера «Пушкинский "Мальбруг"» («Звенья», V, 1935, стр. 50—58) смещаны данные о двух Адамовых — командире Камчатского полка в Кишиневе и командире учебного батальона в Тульчине. Ошибочна и справка И. П. Липранди о том, что песенка о Мальбруге упоминается в материалах дознания и в обвинительном акте по делу Раевского.

31 Стихогворение Вольтера «Jean qui pleure et qui rit» (1772), как и сатира Раев-

ского, имеет пять строф, в четырех из которых сменяются рефрены «Je pleure» и «Je ris». В сатире Вольтера всего 68 стихов. В обоих произведениях использована антитеза «смеющегося Демокрита» и «плачущего Гераклита», восходящая к античным и средневековым олицетворениям двух исконно антагонистических философских систем и жизнеошущений. В русской литературе до Раевского это противопоставление использовано было в анонимной брошюре «Смеющийся Демокрит, или поле честных увеселений, с поруганием меланхолии» (М., 1769), в комедии Клушина «Смех и горе» (1793), в «Гимне глупцам» Карамзина (1802), в журнале «Харьковский Демокрит» (1816), после же Раевского — в водевиле П. А. Каратыгина «Демокрит и Гераклит, или философы на Песках» (1843), в сатирических журналах 1857 и 1858 гг. и, наконец, в рецензиях Добролюбова этой же поры: «Между тем как Москва сетует и плачет в лице своего Гераклита, г. М. Дмитриева, в Петербурге каждый день появляются новые Демокриты, потешающие серьезную столицу своей веселостью» («Уличные листки», 1859); см. об этом же в отклике Добролюбова на «Московские элегии» М. А. Дмитриева (Полн. собр. соч. Добролюбова, т. І. М.—Л., 1934, стр. 434; т. ІІІ, 1936, стр. 387).

32 Цитата из трактата «О рабстве крестьян» («Дело Раевского», 1827, т. П. лл. 1—2). Мы приводим эти строки по рукописи, так как они опубликованы не совсем точно и В. Г. Базановым («Раевский», стр. 108) и П. С. Бейсовым («Ульяновский

сборник», стр. 248).

³³ Базанов. Раевский, стр. 53—54.

34 Там же, стр. 155—156; П. С. Бейсов. Новое о В. Ф. Раевском.— «Улья-новский сборник», стр. 288—289; В. Раевский. Стихотворения. Л., 1952, стр. 73—75. Перепечатано с теми же ошибками в антологии «Поэзия декабристов». Ред. Б. С. Мейлаха. Л., 1950, стр. 469—470; «Избранные социально-политические и фило-

софские произведения декабристов», т. И. Сост. С. Я. Штрайх. М., 1951, стр. 361—362; «Декабристы». Ред. В. Н. Орлова. М.—Л., 1951, стр. 57. Подлинник хранится в ЦГВИАЛ, ф. № 9, 1827 г., оп. 11, д. 42, литера В, т. И. лл. 88 об., 89, 89 об., 78 и 78 об. Первоначальный вариант заголовка зачеркнут: «Гимн природе (Подражание французскому)». Зачеркнутые варианты — строфа 1, ст. 11: Как юных поселян отнявши у отцов; ст. 14: Как изверг лицемер, презря святой закон; ст. 15: В молитвах поседев, гарем по праву власти; строфа II, ст. 7: В награду прежних мук; строфа IV, ст. 2: Не кредитор стоит, но вестник с письмедом; ст. 8: Вдруг вижу чудеса и вдруг опять проснусь. О других особенностях автографа см. выше, стр. 525. В строфе III отмечается Херил из Ияса в Карии, бездарный греческий поэт IV века (а не драматург VI века, как полагает Б. С. Мейлах, комментируя сатиру Раевского в сб. «Поэзия декабристов». Л., 1950, стр. 822). О милостях, которыми Херил незаслуженно пользовался при дворе Александра Македонского, см. в «По-сланиях» Горация, кн. 2, посл. I, ст. 232—234.